

АНДРЕА КАМИЛЛЕРИ

ЛЕЗВИЕ СВЕТА

Перевод М. В. Челинцевой

Москва Издательский Дом Мещерякова 2023
Издательство «Обложка»

Утро с самого рассвета выдалось переменчивым и капризным. А значит, и настроение грозило перепадами. Когда на Монтальбано накатывало, он старался свести общение с человечеством к минимуму.

С возрастом настроение все больше зависело от погоды — сродни тому, как влажность воздуха вызывает старческую ломоту в суставах. Комиссару все труднее было справляться с приступами чрезмерного веселья или грусти.

Пока он добирался из дома в Маринелле до предместья Казуцца — каких-нибудь пятнадцать километров по раздолбанному шоссе, хоть на трактор пересаживайся, а потом по проселку, такому узкому, что и легковушке тесно, — небо сменило бледно-розовый оттенок на серый, потом ненадолго стало мутно-белесым, размыв контуры и затуманив обзор, а потом — тускло-голубым.

Звонок раздался в восемь утра, когда Монтальбано был в душе. Встал он поздно — на работу можно было не спешить.

Комиссар нахмурился. Звонка он не ждал. Кто там еще? Покоя не дадут!

Теоретически в комиссариате не должно быть ни души, за вычетом дежурного, потому что этот день для Вигаты — особенный.

Сам господин министр внутренних дел, посетивший остров Лампедузу, где в пункты приема (да-да, у них хватило смелости так их назвать!) мигрантов не впахнуть даже двухмесячного младенчика — в бочке с сардинами и то просторнее! — выразил желание осмотреть временные пристанища, обустроенные в Вигате. Они, кстати, тоже битком набиты — до того доходит, что беделлаги спят на земле и справляют нужду в кустах.

Так вот, по этому случаю «господин начальник» Бонетти-Альдериги объявил всеобщую мобилизацию полиции и в Монтелузе, и в Вигате: велел оцепить пути следования важной особы, дабы не оскорбить его сиятельные уши бранью, свистом и прочим непотребством (на итальянском именуемым «выражением народного протеста»). Услаждать слух министра должны были жиденькие аплодисменты кучки нищелродов, которым за это еще и приплатят.

Ни секунды не раздумывая, Монтальбано свалил тяжкое бремя на плечи своего заместителя Мими Ауджелло, а сам взял отгул. Да у него от одного вида «господина министра», даже по телевизору, вся кровь вскипала в жилах. Страшно представить, что может случиться, столкнись они лицом к лицу, «лично и персонально».

Остается лишь надеяться, что в этот торжественный день, исключительно из уважения к члену правительства,

преступные элементы, орудующие в городке и окрестностях, проявят деликатность и душевное благородство и воздержатся от совершения убийств и прочих преступных деяний, дабы не омрачать всеобщий радостный настрой.

А посему: кто может звонить?

Решил не брать трубку, но телефон, ненадолго смолкнув, зазвонил снова.

А вдруг это Ливия? Вдруг хочет сказать что-то важное? Деваться некуда, придется ответить.

— Алло, синьор комиссар? Катарелла сум*.

Комиссар удивился. С чего бы вдруг Катарелла заговорил на латыни? Что вообще творится в мироздании? Близится конец света? Наверняка он просто ослышался.

— Катарелла это, синьор комиссар.

Вздых облегчения. Ослышался. Миру не грозит падение в тартарары.

— Слушаю.

— Синьор комиссар, перво-наперво надо вас упредить: тут дело долгое и непростое.

Монтальбано пододвинул ногой стул, сел.

— Я весь внимание.

— Значится, так. Сегодня утром, направляясь по приказанию синьора Ауджелло, поскольку все выжидали прибытия винтолета с господином министром...

— Так он прибыл?

---

* *Catarella sum* — «Я Катарелла» (лат.). — Здесь и далее прим. пер.

- Именно.
- Вы заглянули внутрь?
- Конечно. А вы бы не стали? Любопытство разобрало. Вижу, крышка не привинчена, ну и приподнял. Там труп, в саван спеленут.
- А признайтесь, вы ведь отвернули саван, чтобы увидеть лицо?
- Ага.
- Мужчина или женщина?
- Мужчина.
- Узнали?
- Никогда прежде не видал.
- Можете предположить, по какой причине его оставили у вас в поле?
- Будь мне такое под силу, я бы романы писал. Похоже, говорит искренне.
- Хорошо. Прошу вас встать. Катарелла, подними крышку.
- Катарелла опустился на колени рядом с гробом и слегка приподнял крышку. Резко отвернулся, сморщившись.
- Ям фетет *, — обратился он к комиссару.
- Монтальбано в ужасе отпрянул. Так это правда! Он не ослышался! Катарелла говорит на латыни!
- Что ты сказал?
- Я говорю, воняет уже.

---

* Уже смердит. (Лат.)

Ну нет! На этот раз он все отлично расслышал!
Ошибки быть не может.

— Да ты меня за дурака держишь! — взревел комиссар, сам чуть не оглохнув от звука собственного голоса.

Вдали отозвалась лаем собака.

Катарелла бросил крышку и выпрямился, красный как рак.

— Я? Вас? Да как вы могли такое удумать? Чтоб я, да чтоб такое себе позволил...

Не в силах продолжать, он обхватил голову руками и в отчаянии заголосил:

— О, ме мизерум! О, ме инфелицем! *

У Монтальбано потемнело в глазах, вне себя он бросился на Катареллу, схватил за горло и стал трясти, словно грушевое дерево со спелыми плодами.

— Мала темпора куррунт! ** — философски заметил Лококо, дымя сигарой.

Монтальбано остолбенел.

Теперь и Лококо решил побаловаться латынью? Неужто комиссар перенесся назад во времени и не заметил этого? А почему тогда все одеты по-современному? Ни тебе туники, ни тебе тоги?

С грохотом упала крышка. Из гроба медленно поднимался покойник в саване.

— Монтальбано, где ваше уважение к усопшим?! — гневно возопил труп, снимая покровы с лица.

---

* Бедный я, несчастный! (Лат.)

** Дурные времена настали! (Лат.)

Фацио вернулся спустя четверть часа.

— Что у него за супермаркет?

— Самый большой в Вигате, комиссар. Он женился в прошлом году на своей продавщице. В городке судачили, что та вскружила ему голову.

— И как тебе вся эта история? Кажется правдоподобной?

— Мне — нет. А вам?

— Мне тоже.

— Можете представить себе вора, который бы взял только деньги и не загреб заодно и ювелирку?

— Нет, не могу. Но, возможно, мы на него наговариваем.

— То есть вы полагаете, что тут орудовал благородный вор?

— Нет. Скорее бедолага, ставший вором из нужды, который не знал, куда потом сплавить драгоценности.

— Какие будут указания?

— Хочу все знать про эту Лоредану Ди Марту. Как зовут лучшую подругу и где та живет, какие у дамочки привычки, друзья... в общем, все.

— Хорошо. Рассказать вам про драку охотников в предместье Казуцца?

— Нет. О предместье Казуцца я и слышать не желаю.

Фацио изумленно посмотрел на комиссара.

Фацио удалился, а Монтальбано погрузился в бюрократическую канитель, подмахивая бумажки. Наконец настал обеденный перерыв.

— Изменили вы мне вчера, — укорил его Энцо, едва зайдя на пороге траттории.

— Дома пообедал, Аделина приготовила, — с готовностью парировал тот, дабы с лёту пресечь приступ ревности Энцо, который крайне дорожил тем, что комиссар — его завсегда.

История Ди Марты, кто знает почему, развеяла его мрачное настроение. Если подумать, синьор Ди Марта сам виноват, что жена решила закрутить интрижку. Не то чтобы глумиться над чужой бедой было в обыкновении комиссара, но порой...

— Чем побалуешь?

— Всем, что прикажете.

Приказал и получил. Возможно, переусердствовал с размером порций и повторными заказами. В конце трапезы еле поднялся со стула.

Так что пришлось прогуляться до самого конца мола, с трудом переставляя ноги.

Великолепный трехмачтовик, который ранним утром направлялся в порт, был пришвартован там, где каждый

— На бесплодный участок я почти никогда не заезжаю. К чему? Там стоит домик с обвалившейся крышей, без двери, растет несколько деревьев горького миндаля, вот и все. Вчера утром я проезжал мимо на хорошую половину участка, и мне приспичило; решил зайти в дом, но не смог.

— Почему?

— Кто-то поставил там дверь. Из крепкого дерева. И замок повесили.

— И вы ничего не знали?

— Именно.

— Вы хотите сказать, что кто-то взял и навесил дверь в пустой проем?

— Вот-вот.

— А вы что сделали?

— Я вспомнил, что в задней стене дома есть окошко. Заглянул. Но ничего разглядеть не смог: окно заколотили изнутри доской.

— А у вас есть работники...

— Конечно. На участке в предместье Спириту-Санто, двое тунисцев. Но те ничего не знали про дверь. Участок большой, они работали далеко от дома. И потом, дверь наверняка поставили ночью.

— Так вы не представляете, что там устроили — жилье или склад?

— Вообще-то представляю.

— Поделитесь со мной?

— Там наверняка устроили склад.

— Как вы это поняли?

— Перед домом много следов от колес джипа или вроде того.

— А проем широкий?

— Большой ящик вполне пройдет.

В голове Монтальбано сверкнула молния. Домик. Предместье Казуцца. Большой ящик. Гроб. Отпечатки колес в пыли. Нет ли тут связи с его сном?

Наверно, из-за этого у него вырвалось:

— Надо съездить взглянуть.

Потом засомневался.

— Та часть участка, где стоит дом, относится к Вигате или к Монтелузе?

— К Вигате.

— Тогда он в нашем ведении.

— Хочешь, я поеду с тобой? — спросил Ауджелло.

— Нет, спасибо. Возьму Фацио.

Потом добавил, обращаясь к Интелизано:

— Можно добраться туда на нашем авто?

— Вот уж не знаю! Разве что за рулем будет опытный водитель...

— Посадим за руль Галло. Синьор Интелизано, вы уж простите, но вам придется прокатиться с нами.

Галло чудом изловчился доставить их до пустыря перед домом. Но ощущение было, будто их час катали с американских горок — желудок того и гляди вывалится из ноздрей.

Монтальбано и Фацио посмотрели на дом, а потом на Интелизано — тот застыл, разинув рот.

С письменного стола корреспонденцию перевалили без разбора на диванчик, чтобы освободить место для осколков и газетных листов, разложенных в два мешка: джутовый — для осколков, прозрачный пластиковый — для листов.

Монтальбано запер дверь кабинета на ключ, запретил Катарелле отвлекать его звонками, что бы ни случилось, и сел посовещаться с Ауджелло и Фацио.

А поскольку ни один из них не открывал рта, комиссар решил их подбодрить.

— Говорите вы, — сказал он.

Он поздно обедал, из-за голода не сумел вовремя остановиться, а потом пришлось сократить прогулку по молу — некогда было, так что теперь он чувствовал себя немного несобраным, несмотря на три выпитых порции кофе. Не то чтобы тяжесть в голове, скорее наоборот, просто говорить не хотелось.

— Я, — начал Ауджелло, — думаю, что они еще воспользуются лачугой. Предлагаю выставить охрану, не на круглые сутки, но пусть кто-нибудь из наших заглядывает туда почаще, особенно ночью.

— А я уверен, что они больше не будут пользоваться этой лачугой, — сказал Фацио.

— Почему же?

— Прежде всего потому, что такие импровизированные арсеналы используют разово, а потом бросают, а кроме того, потому, что Интелизано спросил у тех двух тунищцев, которые работают у него в поле, не знают ли они чего про дверь. В общем, тунищцев тем самым поставили в известность, что Интелизано обнаружил склад.

— И что? Кто тебе сказал, что тунищцы в деле? Птичка напела? — спросил Ауджелло.

— Никто не говорил. Но это возможно.

— И с каких это пор ты записался в расисты? — подначивал Ауджелло.

Фацио не повелся.

— Дорогой коллега, вы отлично знаете, что я не расист. Но я спрашиваю себя: откуда эти контрабандисты или террористы, ведь речь почти наверняка идет о них, так вот, откуда этим чужакам было знать о существовании развалюхи в богом забытой сельской местности, если никто им не указал?

— Как ни прискорбно признавать, — сказал Ауджелло, — но, возможно, ты прав. В Тунисе сейчас заварушка, им крайне нужно оружие. Так что, по-твоему, надо брать и трясти тунищцев?

— Единственное логичное решение.

— Минутку, — вмешался Монтальбано, наконец-то он решил открыть рот. — Вы простите, но я пришел

— Ты пока что окажи мне одну личную услугу.

— Я готов.

— Сегодня без четверти полночь на своей машине проедешь от Виа Палермо до переулка Криспи. А завтра утром скажешь, сколько у тебя ушло времени.

— Может, лучше Галло отправить?

— Не лучше. Он долетит за семь с половиной минут, а то и меньше. Так, теперь ты говори.

— Комиссар, съездил я поговорить с Интелизано. Он дал мне имена и адрес тех двух тунисцев, что живут в Монтелузе. Им лет по пятьдесят, хорошие работники и с законом ладят; прибыли года четыре назад и получили политическое убежище.

Монтальбано наострил уши.

— Политическое убежище?

— Так точно.

— Надо узнать, как им удалось доказать, что...

— Уже готово.

Когда Фацио так отвечал, Монтальбано начинал дергаться.

— Раз готово, так будь любезен и меня просветить.

Фацио спохватился:

— Простите, комиссар, я подумал, что...

Комиссар успел уже раскаяться в своей несдержанности:

— Это ты меня прости.

— У обоих сыновья в тюрьме. Выступали против правительства. Их самих тоже было велено арестовать, но им удалось вовремя бежать.

— Не нравятся мне эти тунисцы, — заметил комиссар.

— Всем доброго дня, — входя, приветствовал Мими Ауджелло.

— Поздравляю, вы были правы, — ответил, улыбаясь, комиссар.

Мими изобразил изумление:

— Поздравляешь? Я тоже был прав?! Что у нас на дворе, международный день доброты? А по поводу чего я прав?

— По поводу двух тунисцев.

— В смысле?

— Они политэмигранты. Были в оппозиции. В Тунисе их сыновья сидят в тюрьме. Потому есть вероятность, что...

— Стоп! — воскликнул Ауджелло. — Ни шагу дальше!

— Что такое? — спросил Монтальбано.

— Нас предупредил лично синьор начальник. А сказал он буквально следующее: «Передайте Монтальбано, что с этого момента расследование переходит в ведение отдела по борьбе с терроризмом. И пусть не вздумает вмешиваться, а не то ему не поздоровится». Ну вот, я передал. А теперь сделаем синьору начальнику ручкой и подумаем, как нам быть с этими тунисцами.

— Понятия не имею пока, — признался комиссар. — Но, может, что и придумается — после обеда. Фацио, расскажи Ауджелло про ограбление синьоры Ди Марта.

— Конечно, вышел. Еще как вышел!

— Только не говори мне, что... — поразился Монтальбано.

— Нет, до этого дело не дошло. Даже Дон Жуан бы не справился. Но надо рассказать все с самого начала, это любопытно. Утром, часов в девять, я засел в машине наблюдать за виллой Бонифачо, запасясь терпением. Она как полоумная вылетела из дома, вскочила в машину и понеслась в сторону Монтелузы. Я, само собой, двинул за ней. Бонифачо добралась до клиники Санта-Тереза, свернула в проулок и остановилась на парковке. Я — следом. А она тем временем вбежала в больницу. Когда я подошел к окну справочной, ее в холле уже не было. Тогда я предъявил удостоверение, и мне сказали, что Бонифачо узнавала, в какой палате лежит синьора Лоредана Ди Марта. Я был не в курсе, что она в больнице. Но не стал расспрашивать — не хотел терять время. На лифте поднялся на третий этаж, как мне было сказано. В коридоре услышал громкие голоса. Мужчина лет пятидесяти, наверняка Ди Марта, говорил: «Забудь про мою жену! Запрещаю тебе с ней видеться! Это все из-за тебя!» — а Бонифачо ему: «Отвали, козел!» Тогда Ди Марта схватил ее за плечи и прило-